

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА

ЗАПОЗДАЛЫЯ СТРУИ

Кромѣ этихъ живыхъ, въ самомъ воздухѣ жизни носившихся вѣяній, кругомъ меня и - буквально, не метафорически говоря, вокругъ моей дѣтской постели шелестили еще впечатлѣнія былого, уже прожитаго времени... Собственно только что числились прожитыми эти впечатлѣнія, и не смѣнены совершенно, а только что заслонены нѣсколько были они новыми отвѣтами на новыя требованія жизни, продолжая тѣмъ не менѣе дѣйствовать, вліять, воспитывать... Они, пожалуй, принадлежали уже къ роду тѣхъ впечатлѣній, въ силѣ которыхъ на душу не охотно сознаются молодья, свѣжія поколѣнія, но тѣмъ не менѣе они отяготѣли

на нихъ неизбѣжнымъ наслѣдствомъ, засѣли въ нихъ цѣлымъ органическимъ, неотдѣлимымъ отъ души міромъ.

То былъ, какъ я уже сказалъ, міръ старыхъ - и, разумѣется, переводныхъ романовъ, черезъ посредство которыхъ въ новыя волны жизни вливались многоразличныя, болѣе или менѣе запоздалыя струи былого времени.

Моя дѣтская комната была подлѣ спальни отца и матери и кроватка стояла у самыхъ дверей, такъ что и старинно патетическое чтеніе отца, и сентиментально дьячковское и монотонное чтеніе Сергѣя Иваныча - были мнѣ слышны до слова въ продолженіе ночи, кромѣ того уже никто не препятствовалъ мнѣ слушать, прижавшись гдѣ нибудь въ уголку, чтеніе вечеромъ, начинавшееся обычно послѣ пяти часовъ т. е. по окончаніи вечерняго чая въ моей комнатѣ, служившей вмѣстѣ и чайною. Развѣ только отецъ иногда замѣтитъ, да и то больше «для проформы» (какъ онъ выражался насчетъ разныхъ официальныхъ), «ты бы шоль лучше въ

залу съ Маришкой играть», а Маришка т. е. Марина была дѣвочка моихъ лѣтъ, нарочито для удовольствія барчонка привезенная изъ Владимірской деревни; но о непремѣнномъ выполненіи своего замѣчанія отецъ нисколько не заботился, самъ слишкомъ увлекаясь интересомъ читаемаго, да развѣ, если ужъ что либо слишкомъ страшное или слишкомъ скандальное очень явно предвидѣлось въ дальнѣйшемъ ходѣ читаемаго, то высылалъ меня вонъ съ авторитетомъ родительской власти. Да и на то были средства. Коли только вечеръ былъ не лѣтній, т. е. коли я, *volens nolens*, не долженъ былъ отправляться на дворъ или въ садъ, я съ замираніемъ сердца, на цыпочкахъ прокрадывался въ дѣвичью, находившуюся подлѣ моей комнатки, усаживался около шившей у дверей Лукерьи и не мѣшая ей разговорами, прислонялся ухомъ къ дверямъ и опять таки, съ маленькимъ перерывомъ, дослушивалъ отъ слова до слова привлекательные уже самую таинственностью своей страхи или

скандалы... Ну, а лѣтомъ другое было средство. Я тщательно замѣчалъ всегда, куда кладетъ отецъ читаемую книгу: онъ же, какъ человекъ порядка, и клалъ-то ее всегда на опредѣленное мѣсто на верхъ бюро, на лѣвую сторону подъ календарь. Затѣмъ, на другой день утромъ въ часы, когда по уходѣ Сергѣя Ивановича я долженъ былъ зазубривать краткій катихизисъ или исключенія третьяго латинскаго склоненія или велерѣчивыя повѣствованія Матвѣя Шрека о царяхъ вавилонскихъ и ассирійскихъ, я уловлялъ ту минуту, когда мать въ болѣзненномъ настроивѣ начинала пилить, грызть и ѣсть Лукерью или въ добромъ - усердно занималась перекладкою вещей и бѣля въ комодахъ, бесѣдуя мирно съ тою же ненавидимою и вмѣстѣ странно любимою, постоянно грызимою и вмѣстѣ странно любившею ее Лукерьею, - я воровалъ книгу, и держа всегда наготовѣ для ея прикрытiя латинскую грамматику Лебедева, пожиралъ неслышныя мѣста и перечитывалъ даже слышанныя или забѣгалъ и впередъ.

Подходила мать въ дурномъ расположеніи духа пилить меня и немилосердно чесать мнѣ голову, а въ хорошемъ - ласкать и звать кофій пить, я какъ ни въ чемъ не бывало прикрывалъ запретную книгу почтеннымъ трудомъ заслужоннаго профессора и принимался громко зудить *Iter itineris*, или «по дѣлу видѣнь художникъ и такъ какъ художникъ бываетъ всегда совершеннѣе своего дѣла и проч...» Затѣмъ, пользуясь какимъ либо выходомъ матери въ дѣвичью, съ легкостью серны прыгалъ въ спальню и клалъ книгу на обычное мѣсто, а когда возвращался Сергѣй Ивановичъ и официально-грозно требовалъ отчета въ утреннихъ занятіяхъ, я, постоянно не зная исключеній третьяго склоненія, съ несодѣянною наглостью ссылался на то, что сидѣлъ цѣлое утро и что маменька дескать видѣла...

Впрочемъ, повторяю еще, отецъ болѣе «для проформы» прибѣгалъ къ такого рода изгнаніямъ, чтобы такъ сказать совѣсть не зазрила и долгъ родительскій въ нѣкоторомъ родѣ былъ исполненъ - а самъ

внутренно и по собственнымъ отроческимъ воспоминаніямъ и какъ весьма умный практически человекъ, былъ глубоко убѣжденъ въ бесполезности всяческихъ запрещеній... Въ этомъ, въ особенности въ послѣдствіи, подростая все болѣе и болѣе могъ бы убѣждаться кабы смотрѣлъ только на вещи попроще. Онъ смотрѣлъ на все сквозь пальцы и видимо хотѣлъ смотрѣть такъ... ну, достигало что нибудь противъ его воли до его вѣдома, онъ принимался за «проформы» и «а санданъ» въ ходъ пускалъ. Жаль, что съ полною ясностію созналъ я такія его свойства только тогда уже, когда мнѣ въ томъ не было нужды. Вообще отъ многихъ бы моральныхъ мукъ избавилъ я себя, еслибы «поестественнѣе» относился къ дѣламъ міра сего... Вопросъ только въ томъ, могъ ли я, воспитавшійся подъ тѣми вѣяніями, о которыхъ имѣю честь вамъ повѣствовать въ точности и подробности, и воспринимавшій ихъ всѣ совершенно въ сурьезъ - понимать даже естественное отношеніе къ дѣламъ міра сего. Передо мною долго, очень долго

ходили не люди живьемъ, а образы романовъ или образы исторіи. Сколько нибудь естественнаго отношенія къ жизни и къ людямъ я долженъ былъ добиваться отъ себя трудомъ несравненно болѣе упорнымъ, нежели тотъ мозговой процессъ, который былъ потребенъ для усвоенія отвлеченностей Феноменологіи Духа. Болью сердца, язвами самолюбія покупалось въ послѣдствіи это сколько нибудь естественное отношеніе!

И все-таки не честно въ высшей степени было бы винить и вѣянія вѣка, подорвавшія во мнѣ въ корнѣ естественность отношеній къ жизни, - и отца, который мало заботился о томъ, чтобы подрѣзывать ранніе и неправильные побѣги развивавшагося въ его глазахъ растенія. Я той вѣры - въ сорокъ два года надѣюсь можно имѣть смѣлость на такую вѣру, я той вѣры, что останови побѣгъ жизненной силы въ одну сторону, она ударится въ другую. Не развейся во мнѣ съ ужасающею силою жизнь мечтательная, развилась бы съ такою же жизнью животненная, а что лучше или хуже -

рѣшить право трудно. Отецъ инстинктивно кажется понималъ это и притомъ самъ, какъ человѣкъ положительно-чувственный, жизни души не придавалъ большого значенія. Въ этомъ, равно какъ и въ любимомъ своемъ присловьѣ: «перемелется все мука будетъ», онъ конечно ошибался, и впоследствии, когда на его глазахъ, даже въ тридцатилѣтнемъ человѣкѣ броженіе не перемалывалось въ муку, могъ наглядно убѣдиться въ своей ошибкѣ, но во всякомъ случаѣ въ томъ, что онъ не прибѣгалъ къ стѣснительнымъ и запретительнымъ мѣрамъ, я считаю его совершенно хотя тоже инстинктивно правымъ...

Разскажу вамъ одинъ изъ моихъ позднѣйшихъ опытовъ по этой части, хоть друзья мои начинаютъ уже сильно бранить меня за мои безсовѣстныя вставки и отступленія. Довелось мнѣ быть наставникомъ одного крайне лѣниваго и крайне же даровитаго отрока - купно съ весьма положительнымъ гувернеромъ англичаниномъ, честнѣйшимъ и ограниченнѣйшимъ господиномъ

мѣщанскаго закала, какого только удавалось мнѣ въ жизни встрѣтить. Методы образованія отрока у насъ съ нимъ діаметрально противоположны. Гувернеромъ я не былъ да и никогда бы, по чистой совѣсти, нетолько мальчика но даже щенка не принялъ бы подъ свое руководство, но быть образователемъ я взялся и даже охотно взялся, потомучто я люблю это дѣло да и не лишонъ къ нему способностей. Сталъ я къ нему поэтому въ совершенно свободное отношеніе: я сразу понялъ конечно, что отъ малаго почти что шестнадцати лѣтъ, у котораго глаза разгораются на всякую мало-мальски нестарую фіористку, которыхъ такъ много въ милой Citta dei Fiori и которыя всѣ - сказать *par parenthese* - предобрыя, что отъ такого малаго нечего желать и требовать нетолько что зубренья уроковъ, но вообще занятій внѣ класной комнаты требовать совершенно бесполезно; когда ему? и на пяцеттѣ въ отличномъ экипажѣ всякій день показаться и въ театрѣ побывать въ разныхъ ложахъ и проч. А съ другой

стороны я также хорошо понял, что съ малымъ, - который прочтя разъ сколько нибудь заинтересовавшую его страницу, удержитъ ее навсегда въ памяти, или воротясь изъ новой оперы, катаеть на рояль всѣ ея сальютныя мѣста съ гармоническими ходами и оркестровыми эффектами - много сдѣлаешь часа въ четыре въ сутки, и добросовѣстно отдашь въ его распоряженіе столько своего времени, сколько самъ онъ хотѣлъ и могъ взять. Главное то что я понялъ всю бесполезность и даже положительный вредъ разныхъ запретительныхъ мѣръ, и отъ души хохоталъ, хохоталъ порою до сумасшествія, когда онъ показывалъ мнѣ строки, замаранныя въ исторіи римскихъ императоровъ его высоконравственнымъ гувернеромъ. Увы! онъ только эти-то строки и выучилъ наизусть по другому конечно экземпляру изъ исторіи римскихъ императоровъ. Но высочайшая прелесть запретительной системы обнаружилась, когда мудрый и чинный наставникъ въ день рожденія (воспитаннику было уже

шестнадцать лѣтъ и онъ состоялъ уже въ ближайшемъ знакомствѣ съ прекрасной половиной одного престараго и прескупого грека, подчинившагося однако общему правилу образованнаго общества имѣть свою ложу въ Перголѣ), подарилъ ему изданіе Family-Shakspeare. Шекспира англичанинъ хотя зналъ очень плохо и кажется внутри души считалъ его просто только непристойнымъ и безнравственнымъ писателемъ, но увидѣлъ съ сокрушоннымъ сердцемъ тяжкую необходимость рѣшиться на такой подарокъ... Вотъ гдѣ можно было окончательно дознаться, съ какими цѣлями издаются Фемили-Шекспиры и другія editiones castratae на пользу юношества. Первымъ дѣломъ разумѣется нашъ отрокъ стянулъ у меня моего нефамильнаго Шекспира, добросовѣстнѣйшимъ образомъ вписалъ въ свой экземпляръ пропущенныя или исправленныя мѣста, добросовѣстнѣйшимъ образомъ ихъ выучилъ и безсовѣстно мучилъ ими каждое утро своего добродѣтельнаго надзирателя...

Да къ иному результату - Фамили-Шекспиры и вообще запретительныя мѣры, прилагаемыя къ живымъ и даровитымъ натурамъ и вести конечно не могутъ... Съ другой стороны нельзя же конечно и прямо все въ руки совать отрокамъ. И выходитъ поэтому, что правъ былъ вполнѣ мой отецъ, смотрѣвшій и желавшій смотрѣть на все сквозь пальцы, чтобы и отеческое достоинство не страдало да и свобода бы развитія человѣческаго сколько можно не стѣснялась.

Въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ обращеніи между обычными читателями всякой всячины - находились уже конечно не Кандидъ г. Волтера, не Антеноровы путешествія, не кумъ Матвѣй и даже не Фоблазь. Со всѣми этими прекрасными и назидательными сочиненіями познакомился я уже послѣ, въ эпоху позднѣйшую даже чѣмъ студенчество. Струя нахально-разсудочнаго или цинически сладострастнаго созерцанія жизни, бѣжавшая по этимъ дореволюціоннымъ продуктамъ, уже

сбѣжала и смѣнилась иною, въ свою очередь тоже сбѣгавшею уже струею - такъ сказать реакціонною. Средніе вѣка - которые были какъ время мрака и невѣжества отрицаемы «вѣкомъ разума» - мстили за себя. Они, хоть на первый разъ по возобновленіи, и совершенно ложно поняты, - заняли почти что всевластно человѣческое воображеніе. Рыцарство съ одной стороны, - таинственности загробнаго міра и сильныя страсти съ мрачными злодѣяніями съ другой... вотъ что дразнило немалое время вкусъ публики, которой пріѣлись и нахальство голого разсудка и безцеремонная чувственность былого времени. Уже самый «Фоблазъ» - книга стоящая такъ сказать на грани двухъ направленій: сказка, интрига весьма спутанная и сложная играетъ въ немъ роль нисколько меньшей чувственности - и исторія Лодоиски имѣетъ въ немъ уже весь характеръ послѣдующаго времени, романовъ г-жъ Жанлисъ и Коттенъ. Сказка, интрига, чудесное и таинственное, должны были на-время занять человѣческой

умь - именно потому, что крайнія грани революціоннаго мышленія и созерцанія были крайними гранями его собственнаго истощенія. Послѣ фанатически чувственнаго культа разума гебертистовъ и послѣ сентиментально-сухого культа Высшаго Существа, признаннаго и освященнаго Робеспьеромъ, идти дальше было некуда. Замѣчательно, что самое освященіе этого культа добродѣтельнымъ ученикомъ Жанъ-Жака, сливалось уже съ смѣшными бреднями и мистеріями вдовицы Катерины Тео (Theos). - Кромѣ того, пресытившись тщетой различныхъ утопій будущаго, одна за другою оказывавшихся несостоятельными, челоуѣчество на-время поворачивало назадъ оглобли и переселяло свои мечты въ прошедшее.

Такъ было конечно преимущественно въ той странѣ, въ которой революціонное движеніе совершилось въ самой жизни, а не въ одномъ мышленіи, т. е. во Франціи, и обращая взглядъ на сказки, дразнившія и тѣшившія вкусъ ближайшаго послѣреволюціоннаго поколѣнія - надобно

непремѣнно имѣть это въ виду и строго различать струи, бѣгущія по романамъ хотя бы на примѣръ англичанки Анны Редкляйфъ или Радклифъ, какъ обычно писали у насъ ея имя, чопорной гувернантки герцога Орлеанскаго г-жи Жанлисъ или слезливой г-жи Коттенъ и добродѣтельно сентиментальнаго Дюкре-Дюмениля - и нѣмцевъ Клауреса и Шписа. Все это имѣетъ пожалуй одну общую исходную точку и эту точку можно пожалуй назвать реставраціей среднихъ вѣковъ - но не вездѣ слово реставрація однозначительно въ этомъ отношеніи съ словомъ «реакція».

Талантъ на примѣръ Анны Радклифъ и ея магическое вліяніе на бывалыхъ читателей - не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Покойный А. В. Дружининъ въ одномъ изъ своихъ писемъ иногородного подписчика, съ своими всегдашними качествами чуткости и тонкости, написалъ нѣсколько блестящихъ и даже эстетически глубокихъ страницъ о значеніи и обаятельной силѣ множества сторонъ въ произведеніяхъ нынѣ забытой романистки, передавши искренне

свои впечатлѣнія отъ этой живописи мрачныхъ разсѣлинъ и подземелій, звѣрскихъ страстей и вмѣстѣ самыхъ чинныхъ, англійски нравственныхъ жизненныхъ возрѣній - живописи съ колоритомъ иногда совершенно Рембрандтовскимъ... но онъ не коснулся историческихъ причинъ, лежавшихъ въ основѣ этой живописи и ее породившихъ, - не коснулся разницы неизмѣримой, лежащей на примѣръ между этимъ родомъ и полнѣйшею чисто уже реакціонною реставраціею, совершенною в послѣдствіи Вальтеръ-Скоттомъ въ его романахъ. Дѣло въ томъ, какъ мнѣ кажется, что отношенія знаменитой романистки къ изображаемому ей міру были не такъ опредѣленны конечно какъ отношенія Вальтеръ-Скотта къ его міру, ибо у нея прежде всего недоставало огромнаго запаса его свѣдѣній; но едва ли ея отношенія не были болѣе непосредственны; едва ли не болѣе органически сложились въ ней ея вкусъ и созерцаніе... Вальтеръ-Скоттъ нѣкоторымъ образомъ сдѣлался, Анна Радклифъ

родилась - родилась прямо съ своею страстью къ развалинамъ, подземельямъ и могиламъ, съ своимъ нервическимъ чутьемъ жизни тѣней, привидѣній и призраковъ, съ своей отзывчивостью на мрачныя и звѣрскія страсти - и родилась притомъ изъ самой глубины англійскаго духа, изъ того же мрачнаго силина, который у величайшаго представителя націи сказался сценою Гамлета на кладбищѣ и потомъ могущественно-односторонне сосредоточился въ Байронѣ. Я говорю здѣсь конечно не о силѣ таланта, а о его источникахъ, говорю о томъ, что Анна Радклифъ была талантъ глубоко-искренній - чѣмъ и объясняется ея преимущественное, преобладавшее и магическое вліяніе на мысль читателей, повсемѣстно колоссальный успѣхъ ея романовъ, поколебленный - да и то не скоро - только успѣхомъ чрезвычайно искусныхъ издѣлій шотландскаго романиста.

Съ другой стороны, писатели рыцарскихъ романовъ въ Германіи - какъ напримѣръ

Шписсь, Клаурень (кажется Клаурень - авторъ «Могильщика», - Урны въ уединенной долинь и проч.) - хотя постоянно заняты рыцарствомъ, фантастическимъ и средними вѣками, но вовсе не принадлежатъ къ послѣдующей реакціонной реставраціи средневѣкового міра, послѣдствіями которой были: сочиненный, искусственный католицизмъ Герреса и братьевъ Шлегелей, да «вольныя» сумасшествія «доктора любви» Захаріи Вернера, этого «сумасшедшаго, который вообразилъ себя поэтомъ», какъ мѣтко выразился о немъ гениально остроумный авторъ писемъ о дилетантизмѣ въ наукѣ. Шписсь и вообще писатели тогдашнихъ нѣмецкихъ рыцарскихъ романовъ принадлежали къ другому періоду, къ такъ называемому Drang und Sturm periode нѣмецкой литературы, періоду начатому вакхическими возліаніями Клопштока и его друзей передъ Ирминовымъ столпомъ (Irmin skule) и блистательнѣйшимъ образомъ выразившемся въ желѣзнодорожномъ Гетцѣ

фонъ Берлигингъ Гете да въ «Разбойникахъ» Шиллера - періоду, скорѣе разрушительному, чѣмъ реакціонному. Древняя Германія, за тѣмъ рыцарство и средніе вѣка были для этого титаническаго поколѣнія знамена борьбы, а не отдыха - и кинжалъ, который безъ подписи горѣлъ надъ безвѣстною могилой безразсуднаго убійцы филистера Коцебу, былъ прямымъ послѣдствіемъ тевтонско-революціоннаго движенія. Разумѣется, все это относится не къ скучнымъ и длиннымъ романамъ Шписса, а къ тому направленію, за которымъ ковыляли эти и подобные имъ романы, къ той струѣ, которая бѣжитъ по нимъ.

Знаю - не могу не сдѣлать опять отступленія - что меня настоящее молодое поколѣніе, если только - что весьма сомнительно - оно пробѣжитъ мои записки, - попрекнетъ въ темнотѣ и даже неопредѣленности изложенія, - но вѣдь не могу же я писать цѣлыя томы для разъясненія вещей очень близко и коротко знакомыхъ и мнѣ и всѣмъ моимъ

сверстникамъ, хотя конечно съ другой стороны не могу и требовать, чтобы молодое поколѣніе перечло всю ту ерунду, въ родѣ разныхъ: рыцарей Льва, рыцарей Семигоръ, Уллогорнаго старца, Старика вездѣ и нигдѣ - которую мы перечитали. Во всякомъ случаѣ общаго знанія хода исторіи литературъ и значенія литературныхъ періодовъ я имѣю основанія требовать отъ того, кому благоугодно будетъ разрѣзать эти страницы «Эпохи» съ намѣреніемъ пробѣжать ихъ, и добросовѣстно предупреждаю его насчетъ необходимости этого общаго знанія. Мнѣ некогда рассказывать исторію нѣмецкой, или англійской, или французской литературы, и передавая тѣ вѣянія, которыя онѣ приносили нашему поколѣнію, я поневолѣ долженъ ограничиваться намеками.

Струя, которая бѣжитъ по этимъ старымъ рыцарскимъ нѣмецкимъ романамъ - весьма сложная струя. Эти гонимыя добродѣтели и угнетаемыя злодѣями невинности, которыя защищены всегда, или прямо таинственными, загробными силами, или

добродѣтельными рыцарями, обязанными по уставамъ своихъ братствъ поражать зло и поддерживать страдающую правду; эти тайныя судилища, фемгерихты, потайнымъ кинжаломъ творящіе судъ и правду въ безправномъ и разрозненномъ, лишонномъ единства (котораго и понынѣ не достигла Германія) обществѣ, - эти мракъ и тайна, которыми окружены поборники праваго дѣла, какіе нибудь рыцари Льва или Семигоръ, эта вѣчная чаша св. Грааля, парящая въ высяхъ небесныхъ - все это не одна любовь къ среднимъ вѣкамъ и къ реставраціи - далеко не одна. Тутъ и месмеризмъ XVIII вѣка съ его духами и духовидцами, тутъ и иллюминатство Вейсгаупта или розенкрейцерство съ ихъ тайнами, символами и потайными кинжалами - тутъ наконецъ, главнымъ образомъ, ужасное убѣжденіе въ полнѣйшемъ безправіи разрозненнаго общества и не менѣе же ужасное убѣжденіе въ полнѣйшей необходимости постоянного дѣйствія сверхъестественныхъ или сверхобщественныхъ и, стало быть,

противуобщественныхъ силъ - убѣжденіе, высказавшееся у двухъ великихъ художниковъ Германіи образами Карла Моора и Гетца фонъ-Берлихингена - а въ жизни безумнымъ мученичествомъ Занда... Мудрено ли, что какъ ни плохи и ни длинны издѣлія Шписса, Клаурена и другихъ царскихъ романистовъ того времени, но струи, бѣгущія по нимъ, дѣйствовали сильно и на воображеніе и на чувство читавшей массы.

Наконецъ, что касается до французскихъ романовъ этого времени, то они такъ же отличались совершенно особеннымъ характеромъ и притомъ вовсе еще не реакціоннымъ и даже не реставраціоннымъ. Я говорю конечно о романахъ, преимущественно ходившихъ въ обращеніи въ публикѣ т. е. въ читающей черни, о романахъ Дюкре Дюмениля, г-жъ Жанлисъ и Коттень, а не о романахъ Шатобріана или г-жи Сталь. «Викторъ или дитя въ лѣсу», «Слѣпой у источника св. Екатерины» - произведенія перваго изъ поименованныхъ мною романистовъ, «Рыцари Лебеда» г-жи

Жанлисъ - и знаменитая «Матильда или крестовые походы» г-жи Коттенъ - вотъ что составляло насущную пищу читающей «публики» преимущественно женской ея половины. Дюкре-Дюмениль завлекалъ своими сложными и запутанными интригами, да разными ужасами, хоть и не тонко, но зато крайнѣ расчетливо придуманными. Надъ «Матильдой» проливалось несчетное количество слезъ, и Малекъ-Аделемъ ея рѣшительно бредили барыни и барышни, ровно до тѣхъ поръ пока его смѣнили герои Виконта д'Арленкура, представителя новой, уже чисто реставраціонной и реакціонной струи. Скучнѣе всего были романы г-жи Жанлисъ, хотя по странной игрѣ судьбы въ упомянутомъ мною пошломъ ея издѣліи «Рыцари Лебеда» - можетъ быть нагляднѣе всѣхъ другихъ выразался тогдашній французскій до-революціонный духъ и его тогдашнее отношеніе къ среднимъ вѣкамъ, рыцарству и проч., такъ что даже весьма скандальныхъ непристойностей немало въ произведеніи сухой и чинной гувернантки

Орлеанскаго, а легкомысліе общаго взгляда на жизнь доказываетъ, что не безслѣдно прошло для нея знакомство съ сочиненіями Вольтера и съ нимъ самимъ. Да и рыцари, взятые ею напрокатъ безъ малѣйшаго знакомства съ исторіею изъ временъ Карла Великаго, нисколько не похожи на рыцарей нѣмецкихъ романовъ: это люди очень легкомысленные и вѣтренные, - помимо конечно ея вѣдома - вышедшіе у нея точно французскими и даже провансальскими рыцарями - или резонеры, разсудочные люди, схожіе какъ двѣ капли воды съ типами французскихъ буржуа... О г-жѣ Коттенъ я не распространяюсь, потому что хоть она и больше можетъ быть читалась, но въ сущности менѣе характеристична. Дюкре-Дюмениль, какъ я уже сказалъ, бралъ преимущественно запутанностью сказки. Чрезвычайно важно то только, что во всѣхъ этихъ совершенно различныхъ одинъ отъ другого романистахъ, во всѣхъ, - если прибавить къ нимъ еще и г-жу Монтолсье - автора знаменитой тоже тогда «Каролины Линтфильдъ» и «Амалия или

хижина среди горъ», - несмотря на всю ихъ пошлость, общій французскій духъ и конецъ восемнадцатаго вѣка выражаются все-таки очень ярко и наглядно, и въ легкомыслии и въ чувственности и въ мѣщанской разсудочности взгляда на жизнь. Та нравственность, къ которой они клонятъ и та мораль, которая изъ нихъ выводится вовсе не то, что чопорный пуританизмъ Радклифъ или добродѣтель, проповѣдуемая Шписомъ. Она гола и суха до крайней пошлости, не обвита ни сплиническимъ мракомъ, ни нимбомъ таинственности - и совершенно практична. Сочинялись эти издѣлія по чисто внѣшнимъ, а ужъ никакъ не по внутреннимъ побужденіямъ. Не стремленіе къ среднимъ вѣкамъ, къ таинственному или ужасному породило ихъ съ ихъ крестовыми походами, замками и подземельями, таинствами и ужасами, а просто мода и прихоть. Вкусъ къ разбойникамъ пошоль отъ Шиллера - т. е. отъ того Mr. Gilles, auteur allemand, которому юная республика посылала гражданскій патентъ и котораго

Карль Мооръ передѣлался на французской сценѣ въ Robert, chef des brigands - таинства, подземелья и ужасы были простымъ соревнованіемъ громадному успѣху романовъ Анны Радклифъ. Въ сурьезъ еще ничто подобное не принималось французскимъ духомъ. Еще не явилась знаменитая книга г-жи Сталь о Германіи, а Шатобрианъ еще только обдумывалъ свой Genie du christianisme, еще носилъ только въ душѣ психологическія исповѣди Рене и Эвдора. Писались просто сказки, бившія на занимательность и прошигованныя насквозь съ одной стороны сантиментальностью, которой какъ винограднымъ листикомъ прикрывалась и не всегда удачно чувственность; да нравственностью, которая въ переводѣ на чистый французскій языкъ значила и значить всегда, какъ извѣстно, разсудочность. Но этимъ-то лицемѣрствомъ и важны эти пошлыя издѣлія, предназначавшіяся для потребленія читающей черни. Лицемѣрство

сантиментальности и нравственности - вещь весьма понятная послѣ чувственныхъ сатурналей, начатыхъ философомъ Дидро и законченныхъ маркизомъ де-Садомъ.

Была однако еще струя, еще болѣе запоздалая, но зато гораздо искреннѣй мутная, въ которой старый, до-революціонный XVIII вѣкъ сказывался совершенно животненными отрывками. Эта струя бѣжала сильно въ произведеніяхъ одного, тоже изъ любимыхъ писателей читающей черни, въ Пиго Лебренѣ. Это былъ уже просто писатель-циникъ, хотя надобно отдать ему полную справедливость, несравненно болѣе талантливый, чѣмъ всѣ сантименталисты, и несравненно менѣе противный, чѣмъ любимый писатель послѣдующаго времени, Поль-де-Кокъ, съ силою комизма неоспоримой, съ наглою искренностью разврата, безъ малѣйшихъ претензій на мораль и добродѣтель, которая въ Поль-де-Кокѣ гораздо гнуснѣе для здраваго эстетическаго и нравственнаго чувства, чѣмъ его скабрзности. Сочиненій этого весьма откровеннаго господина до

сихъ поръ, я думаю, нельзя читать безъ смѣха, - даже характеры и лица умѣль рисовать онъ - и кто напримѣръ читаль когда нибудь «Пажа», тотъ вѣрно не забыль достолюбезнаго гусара Брандта, вѣрнаго друга барона Фельцгейма и вѣрнаго дядьки его молодого сына, милыхъ сценъ на станціи съ хозяйкой, и съ старымъ циникомъ и съ рыжимъ капуциномъ... Прямота и откровенность волтерьянизма съ его ненавистью къ Монасaille и Дидротизма съ фанатическимъ поклоненіемъ чувственности, слышатся пренаивно въ подобныхъ сценахъ. Пиго-Лебрена я не могу отнести даже къ числу вредныхъ писателей: развратъ у него такъ безцеремонно показанъ, такъ обнажонъ отъ всякихъ завлекающихъ и дразнящихъ покрововъ, что едва ли кого соблазнить можетъ. Я помню, что отецъ напримѣръ читая вслухъ «Пажа», высылалъ меня на короткое время изъ комнаты и что потомъ я, какъ уже рассказываль, краль по обычаю книгу и конечно прочитываль съ нѣкоторымъ лихорадочнымъ трепетомъ

пропущенныя мѣста: особеннаго дѣйствія они на меня, сколько я помню, не производили, а смѣялся я ужасно, потомучто дѣйствительно смѣшно, гораздо смѣшнѣй Поль-де-Кока (котораго впрочемъ я какъ то терпѣть не могъ всегда) писалъ человѣкъ.

Но вся штука въ томъ, что Пиго Лебрень - прямой и смѣлый человѣкъ, нахально самъ себя выставлявшій безнравственнымъ писателемъ, «проформа» требовала, чтобы юное воображеніе было удаляемо отъ знакомства съ такимъ циникомъ. Именно только «проформа», потомучто никому не приходило въ голову гнать меня изъ комнаты, когда читались «Природа и любовь», «Вальтеръ, Дитя ратнаго поля» и другія произведенія безнравственнѣйшаго изъ писателей того времени, равно помѣшаннаго на чувственности самой ядовитой и дразнящей, какъ на добродѣтели самой приторно-нѣмецкой, и знаменитаго даже нравственностью и добродѣтелью, нѣмца Августа фонъ

Лафонтена. Многимъ, въ особенности помнящимъ только стихъ Пушкина:

Романъ во вкусъ Лафонтена,

приговоръ мой насчетъ безнравственности этого и другихъ подобныхъ ему въ это время романистовъ покажется по всей вѣроятности парадоксальнымъ; но въ сущности, если ужъ говорить о безнравственности или вредѣ литературныхъ произведеній, то дѣло выйдетъ совершенно такъ. Молодое сердце и даже проще говоря, молодая чувственность не такъ легко, какъ вообще думаютъ, поддаются цинически-нахальному, не таящему себя подъ покрывами разврату. До этого надобно дойти, а сначала нужны непременно приманки, покровы, нѣкоторая таинственность, нужно то что вообще сообщаетъ прелесть всѣмъ запретнымъ плодамъ. Въ самой женщинѣ - натуру благоустроенную влекутъ сначала именно такія же свойства...

Изъ читателей, даже не совсѣмъ молодого поколѣнія, а только нѣсколько помоложе того, къ которому принадлежу я, никто конечно не читалъ сантиментально-чувственной дичи добродѣтельнаго нѣмецкаго романиста, съ чѣмъ я ихъ отъ души поздравляю, потомучто время, которое было бы употреблено на это совершенно пустое и праздное чтеніе, съ большею пользою пошло вѣроятно хоть на игры на свѣжемъ воздухѣ, а тревожное чувство, которое бы оно непременно возбудило въ ихъ существѣ, находило себѣ, и притомъ въ пору, позднѣе, правильный и жизненный, а не книжный выходъ. Но съ другой стороны, не совѣщусь я ни мало самъ признаваться и въ этомъ чтеніи и въ немаломъ вліяніи этого чтенія на мое развитіе. Такъ было, такъ сдѣлалось: я-то, спрашивается, чѣмъ тутъ виновать?

Представьте вы себѣ, вотъ какого рода напимѣръ нелѣпую исторію. Живетъ въ какомъ-то нѣмецкомъ захолустномъ городкѣ добродѣтельнѣйшій и честнѣйшій до паточной приторности танцмейстеръ.

Совокупляется онъ - бракомъ разумѣется - съ столь же добродѣтельною, прекрасною и еще болѣе бѣдною чѣмъ онъ самъ дѣвицею; живутъ они какъ и слѣдуетъ т. е. какъ канарь и канарейка, пересыпаясь непрерывно поцѣлуями и питаюсь весьма скудною пищею. Тѣмъ не менѣе, несмотря на скудное питаніе, приживаются они сына Вальтера. Вальтеръ выходитъ образцомъ всякой чистоты и добродѣтели. Въ ранней юности онъ встрѣчаетъ какую-то шатающуюся дѣвицу, тоже образецъ чистоты, добродѣтели и невинности, дружится съ нею и препроводитъ онъ съ нею время наичистѣйшимъ, образомъ, храня, хотя не безъ волненій и весьма притомъ тревожныхъ, ея чистоту. Какъ ужъ это ему удастся, спросите у добродѣтельнаго писателя, ставящаго его какъ нарочно въ самыя затруднительныя положенія.... Затѣмъ - какими ужъ именно судьбами не могу вамъ повѣдать въ точности, ибо нить самой сказки исчезла изъ моей памяти, а еслибъ я вздумалъ ее перечитывать, то вы бы имѣли полнѣйшее

право заподозрить меня въ непомѣрной глупости, - Вальтеръ попадаетъ въ какой-то богатый домъ, къ странному чудаку-старцу, у котораго есть прелестная и невинная какъ сама невинность шестнадцатилѣтняя племянница. Чудаку почему-то и отъ кого-то нужно скрыть на мѣсяць свою племянницу и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдиться въ добродѣтели Вальтера. Въ огромномъ саду его есть уединенный домикъ, клѣтка для канара и канарейки - и вотъ въ этотъ-то домикъ, совершенно однихъ, поселяетъ онъ Вальтера и Леопольдину, обязавши перваго честнымъ словомъ хранить ввѣренную ему чистоту красавицы, а ей самой не сказавши конечно ни слова, ибо предполагается вездѣ и всегда, что «у дѣвушекъ ушки золотомъ завѣшены». Можете вообразить себѣ, какую адски-раздражающую нервы жизнь ведутъ сіи чистые голубки цѣлый мѣсяць. Я полагаю, что Кукушкина, у которой глаза закатываются подъ лобъ отъ восторга, когда она читаетъ «какъ препятствія исчезаютъ и два любящихъ сердца

соединяются», не разъ и не два, а разъ двадцать перечитывала эту идилію. Исторія называется «Вальтеръ, дитя ратнаго поля» - въ російскомъ переводѣ разумѣется. Не этотъ впрочемъ Вальтеръ, дитя ратнаго поля, а ребенокъ, дѣйствительно найденный имъ во время битвы и имъ воспитанный. Сказку, повторяю вамъ - я забылъ.

Или вотъ еще напримѣръ исторія, которой мой отецъ въ особенности восхищался всегда, живя уже болѣе воспоминаніями, но любя дразнить себя ими, восхищался какъ Кукушкина - исторія, называющаяся - «природа и любовь». Вамъ не безъизвѣстно конечно, что послѣдняя четверть XVIII вѣка помѣшалась на природѣ, на первобытной чистотѣ и невинности, бредила о томъ, какъ бы создать, сочинить хоть искусственно - какъ Вагнеръ во второй части Фауста сочинилъ Гомункулуса, - высидѣть наконецъ какъ нибудь челоуѣка природы. Великій краснорѣчивый софистъ, добросовѣстнѣйшій и пламеннѣйшій изъ софистовъ, потому именно, что онъ прежде всѣхъ самого себя обманывалъ, Руссо,

пустившій въ ходъ и теорію абсолютной правоты страстей въ своей Юли и теорію отрѣшонную отъ условій воспитанія въ своемъ «Эмилѣ» и «сдѣланную общественную утопію въ своемъ «contrat social» - если и не выдумалъ эту «природу, конца XVIII вѣка», ибо и до него еще было не мало ея выдумщиковъ, то по крайней мѣрѣ силою своего огненнаго таланта и увлекающаго краснорѣчія, самую жизнь, полною мукъ изъ-за нелѣпой мысли и преслѣдованій за нелѣпую мысль, пустилъ ее въ ходъ на всѣхъ парусахъ. Гонимый всѣми - и католиками и кальвинистами и даже самыми философами, осыпавый клеветами и бранью Дефонтеней и другихъ подобныхъ личностей, но вмѣстѣ и нещадными сарказмами Вольтера, онъ однако, на извѣстный срокъ времени, вполне торжествуетъ по смерти. Нетолько что ко гробу его ѣздятъ на поклоненіе всякіе путешественники (помните, какъ какой-то англичанинъ безъ дальнихъ разговоровъ, прямехонько спрашиваетъ задумавшагося Карамзина: *vouz pensiez a*

lui?), его слово переходит въ дѣло, кровавое дѣло его практическихъ учениковъ Сень-Жюста и Робеспьера, а съ другой стороны разливается какъ ученіе почитающимъ массамъ. Какъ дѣло, оно гибнетъ въ свою очередь, но гибнетъ грандіозно-сурово: какъ добыча читающихъ массъ оно опошляется до крайнихъ предѣловъ пошлости, до чувствительныхъ романсовъ въ родѣ

Для любви одной природа,
Насъ на свѣтъ произвела,

до паточныхъ идилій Геснера и его исторіи о первомъ мореплавателѣ, до романа «Природа и любовь» Августа фонъ Лафонтена...

Воспитываетъ какой-то чудакъ своего сына а la Эмиль, но съ еще большими крайностями, въ совершеннѣшемъ удаленіи отъ человѣческаго общежитія, въ полнѣйшемъ невѣдѣніи его условій и отношеній, даже разницы половъ - вѣроятно для того, что пусть дескать самъ дойдетъ до

всего - слаще будеть... Но выходить изъ этого не канва для «Гурона или простодушнаго» - этой мѣтко-ядовитой и несмотря на легкомысленный тонъ глубокой насмѣшки старика Вольтера надъ модною «Природою» - а совсѣмъ другая исторія. Юный Вильямъ - конечно ужь, какъ слѣдуетъ - образецъ всякой чистоты, прямоты и невинности. Попадается онъ при первомъ столкновении съ обществомъ на нѣкоторую дѣвицу Фанни - и приведенный сразу же въ отчаяніе ея совершеннымъ непониманіемъ «Природы» и тончайшимъ пониманіемъ женскаго кокетства и женскаго вѣроломства - уѣзжаетъ въ далекую Индію. Тамъ онъ конечно научается глубоко уважать дикихъ и ненавидѣть угнетающую ихъ «чадь природы» цивилизацію, тамъ онъ встрѣчаетъ прелестную Нагиду. Самое имя - конечно для ясности идеи измѣненное такимъ образомъ рускимъ переводчикомъ, исполнявшимъ кажется трудъ перевода «со вкусомъ» - показываетъ уже достаточно что это - нагая, чистая природа. И дѣйствительно, разныя сцены подѣ

пальмами и бананами совершенно убѣждаютъ въ этомъ читателя - и ужасно раздражаютъ его нервы, если онъ отрокъ еще ничего невѣдающій или старикъ много извѣдавшій и мысленно повторяющій повѣданное. Не даромъ же такъ любилъ чтеніе этого произведенія мой отецъ - и не до преимуществъ дикаго быта передъ цивилизованнымъ было конечно ему дѣло...

Все это, какъ вы видите, были струи болѣе или менѣе мутныя, - струи запоздалыя, но вносившія свой иль и тину въ наше развитіе.

Вальтеръ-Скоттъ и новыя струи

Между тѣмъ новыя струи уже вторгались въ умственную и нравственную жизнь, даже въ ту далеко отстававшую отъ общаго развитія, въ которой я воспитывался или воскармливался. Разумѣется, объ отсталости среды говорю я по отношенію къ поколѣнію уже старому, зародившемуся въ послѣдней половинѣ XVIII-го вѣка. Молодое жило всего болѣе тѣми

умственными и нравственными вѣяніями современности, которые и поставилъ я, кажется по всей справедливости, на первомъ планѣ - хотя оно, органически связанное съ поколѣніемъ его породившимъ, не могло же уберечься отъ извѣстной доли наслѣдства его впечатлѣній. А съ другой стороны и поколѣніе старое, если только оно не было уже совсѣмъ дряхлое и находилось въ соприкосновеніяхъ съ жизнію, а стало быть и съ поколѣніемъ, выступавшимъ на поприще жизни - не могло тоже уберечься въ свою очередь, отъ воспріятія извѣстной же доли новыхъ впечатлѣній новаго поколѣнія.

Не только мой отецъ, человекъ получившій хоть и поверхностное, но въ извѣстной степени полное и энциклопедическое образованіе его эпохи - даже его чрезвычайно малограмотные товарищи по службѣ, которыхъ уже кажется ни что кромѣ взятокъ, описей и погребковъ не могло интересовать - и тѣ не только что слышали про Пушкина, но и

читали кое-что Пушкина. Не большую конечно, но все-таки какую нибудь часть времени, свободнаго отъ службы и погребковъ, употребляли они иногда на чтение, ну хоть съ перепоя тяжкаго, - даже хоть очень небольшую, но все-таки какую нибудь сумму денегъ, остававшихся послѣ житья-бытья да кутежей употребляли, хотя съ-пьяну, на покупку книгъ, пріобрѣтая ихъ преимущественно конечно на Смоленскомъ рынкѣ или у Сухаревой башни; нѣкоторые даже бібліотечки такого рода пытались заводить. Въ особенности манія къ такимъ совершенно, по мнѣнію жонъ ихъ, бесполезнымъ покупкамъ распространилась, когда полились неудержимымъ потокомъ російскіе историческіе романы. Тутъ даже пьянѣйшій, никогда уже недостигавшій совершеннаго трезваго состоянія, изъ секретарей магистрата - прочолъ книжку и даже купилъ у носящаго эту книжку - хотя не могу съ точностію сказать потому ли онъ купилъ въ пьяномъ образѣ что прочолъ, или потому прочолъ, что купилъ въ

пьяномъ образѣ. То была «Танька-разбойница Ростокинская» - которая особенно представлялась ему восхитительною съ кнутомъ въ рукахъ - такъ что онъ купилъ кажется даже табатерку съ таковымъ изображеніемъ знаменитой героини.

Но російскіе историческіе романы принадлежать уже къ послѣдующей полосѣ, а не къ этой, кончающейся началомъ тридцатыхъ годовъ и замыкающей въ себѣ изъ нихъ только первые романы Загоскина и Булгарина, только первые опыты російскаго генія въ этомъ родѣ.

Російскій геній открылъ родъ этотъ, какъ извѣстно, не самъ, а перенялъ, но проявилъ свою самостоятельность въ изумительномъ его облегченіи и непомѣрной вслѣдствіе такого облегченія плодовитости - о чемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ я поговорю конечно подробнѣе.

Въ ту полосу времени, о которой доселѣ идетъ еще пока у меня дѣло - новыми струями для поколѣнія отживавшаго и

читающей черни были романы знаменитого шотландского романиста - или какъ условлено было называть тогда въ высокомъ слогѣ альманачныхъ и даже журнальныхъ статей «шотландскаго барда».

«Шотландскій бардъ», возбуждавшій нѣкогда восторгъ до поколоненія обожаніе до нетерпимости, поглощаемый, пожираемый, зачитываемый цѣлою Европою въ порядочныхъ и нами въ весьма гнусныхъ переводахъ, - порождавшій и посланія къ себѣ поэтовъ какъ на примѣръ нашего Козлова, и цѣлыя книги о себѣ - въ родѣ книги какого-то невѣроятно ограниченнаго шотландца, кажется Олена Кунингамъ по прозванію, полной неблагопристойно-тупоумнаго поклоненія незнающаго уже никакихъ границъ - шотландскій бардъ, говорю я, отошолъ уже для насъ въ прошедшее, - не возбуждаетъ уже въ насъ прежнихъ восторговъ - тѣмъ менѣе можетъ возбуждать уже фанатизмъ. Фактъ и фактъ несомнѣнный - печальный-ли, веселый-ли, это я предоставляю

разрѣшать *ad libitum* - что въ концѣ двадцатыхъ и въ тридцатые годы, сѣро и грязно изданные, гнусно и притомъ съ Дефоконпретовскихъ переводовъ переведенные романы его выдерживали множество изданій и раскупались не смотря на то, что продавались очень не дешево - расходились въ большомъ количествѣ, а въ половинѣ сороковыхъ годовъ затѣяно было въ Петербургѣ дешевое и довольно приличное изданіе переводовъ Вальтеръ-Скотта съ подлинника да и остановилось на четырехъ романахъ - да и тѣ-то, сколько я знаю, покупались куда не во множествѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ кто-то, добрый челоѣкъ, выдумалъ въ Москвѣ начать изданіе еще болѣе дешовое, хоть и посѣрѣе Петербургскаго, переводовъ съ подлинника Вальтеръ-Скотта и выпустилъ довольно сносный переводець: «Легенды о Монтрозѣ» - да на немъ и сѣлъ, повсей вѣроятности за недостаткомъ покупателей - тогда какъ ужасно много разошлось стараго перевода, подъ названіемъ

«Выслужившійся офицеръ или война Монтроза».

Habent sua fata libelli - весьма устарѣлая, до пошлости избитая и истасканная, но все-таки весьма вѣрная пословица, только приложимая преимущественно къ временнымъ, такъ сказать моднымъ, (не въ пошломъ въпрочемъ, а въ важномъ, пожалуй гегелевскомъ смыслѣ слова), а не къ вѣчнымъ явленіямъ искусства.

Прежде всего я долженъ сказать, что къ таковымъ, моднымъ въ искусствѣ явленіямъ, хоть въ своемъ родѣ и въ высшей степени замѣчательнымъ явленіямъ, я причисляю знаменитаго шотландскаго романиста. Сказать это послѣ величайшаго изъ англійскихъ мыслителей Карлейля конечно уже нисколько не смѣло въ наше время, но дѣло въ томъ, что и въ ранней юности я безъ особеннаго заскока читалъ многія изъ хваленыхъ произведеній Вальтеръ-Скотта, и напротивъ читалъ по нѣскольку разъ, и отъ дѣтства до юности съ постоянно живымъ интересомъ нѣкоторыя изъ его же мало извѣстныхъ. На меня весьма малое

впечатлѣніе произвелъ на примѣръ Айвенго, и я не обинуясь скажу, что на счетъ сказочнаго интереса, пресловутый романъ этотъ весьма уступить сказкамъ Дюма и что въ немъ дороги только такія подробности и лица, которыя автору не дороги, потому, явное дѣло, что страстному хоть и нечестивому храмовнику Бріану читатель гораздо болѣе сочувствуетъ, чѣмъ добро дѣятельно-глупому рыцарю Айвенго. На меня совсѣмъ никакого впечатлѣнія не произвели «Ваверлей» и «Вудстокъ», котораго Оливеръ Кромвель такъ деревянно блѣденъ передъ живою фигурою во весь ростъ великой драмы Гюго, и Квентинъ Дорвардъ, котораго захваленный Людовикъ XI, не сходящій почти со сцены въ романѣ, какая-то вялая тѣнь передъ Людовикомъ XI-мъ величайшаго поэта нашего вѣка, хоть въ свой Notre Dame онъ и пустилъ его только въ двѣ сцены.. Да вѣдь за то какія эти сцены-то, какой мощи и поэзіи полны онѣ!.. Не произвели на меня впечатлѣнія и «Ричардъ въ Палестинѣ» и «Карль Смѣлый и Анна Гейерштейнъ», и сантиментальная

«Эдинбургская темница» и весь на эффектах построенный «Кенильвортъ». Я не стыжусь даже признаться что «Невѣсту Ламмермурскую» люблю я какъ «Лючію» т. е. какъ вдохновеніе маэстра Донидзетти и пѣвца Рубини, а не какъ романъ Скотта... и мнѣ кажется, (о варварство! воскликнуть запоздалые поклонники шотландскаго барда), что дюжинный либреттистъ Феличе Романи выжалъ изъ романа весь сокъ всего истинно драматическаго что заключается въ романѣ, разбавивши это драматическое водою неизбѣжныхъ итальянскихъ пошлостей.

А между тѣмъ читалъ я и перечитывалъ въ разныхъ переводахъ и наконецъ въ подлинникѣ «Пирата» или «Морскаго разбойника» какъ называется онъ въ чистомъ и по своему времени изящномъ, хоть и сдѣланномъ съ французскаго, переводѣ замоскворецкаго романиста, г. Воскресенскаго, читалъ и перечитывалъ «Монтроза», читалъ и перечитывалъ «Певерилия Пика».... Да! и доселѣ еще живъ передо мною весь со всей

обстановкой, со всѣмъ туманно-сѣрымъ колоритомъ уединенный, замкнутый, какъ будто изолированный отъ всего остальнаго міра, мірокъ шетлендскихъ острововъ, гдѣ совершается дѣйствіе простой, даже не исторической, не загроможденной никакими блистательными личностями и событіями, но собственной жизнию полной драмы, совершающейся въ романѣ «Пиратъ» или - какъ озаглавленъ онъ въ переводѣ г. Воскресенскаго «Морской разбойникъ».

Равномѣрно огромное же впечатлѣніе оставила на меня «Легенда о Монтрозѣ» - или «Выслужившійся офицеръ или война Монтроза» по старому его сѣробумажному переводу. О Певерилѣ я не говорю. Я его въ дѣтствѣ не читалъ - а прочелъ уже въ довольно позднюю пору въ подлинникѣ - но во всякомъ случаѣ, причисляю его къ сильнымъ впечатлѣніямъ отъ Вальтеръ-Скотта. Затѣмъ, странное тоже дѣло, одна изъ поэмъ его въ непотребнѣйшемъ переводѣ подъ названіемъ «Марміона или битва Флодденфильдѣ» - перечитывалась мною нѣсколько разъ въ дѣтствѣ. Изъ нея

превосходно переданъ Жуковскимъ
извѣстный отрывокъ «Судъ въ
подземельѣ», но, повторяю, не въ этомъ
художественно-переведенномъ отрывкѣ я
съ нею познакомился.

У насъ въ домѣ вообще не особенно
любили Вальтеръ-Скотта и сравнительно не
особенно усердно его читали. «Морскаго
разбойника» даже и до конца, сколько я
помню, отецъ не дочелъ - такъ онъ ему
показался скучень. «Выслужившагося
офицера» хоть и прочли - но отецъ
жаловался на его растянность,
«Марміоны» же осилили развѣ только
страницъ десять. Вообще какъ-то форма
изложенія - дѣйствительно новая и притомъ
драматическая у шотландскаго романиста -
отталкивала отъ него старое читавшее
поколѣніе. «Какъ пойдетъ онъ эти
разговоры свои безъ конца вести -
говаривалъ мой отецъ - такъ просто смерть
право» - и пропускалъ безъ зазрѣнія
совѣсти по нѣсколькимъ страницъ. Вырисовка
характеровъ, къ которой Вальтеръ-Скоттъ
всегда стремился, его не интересовала. Ему

- какъ и множеству тогдашнихъ читателей, нравилась всего болѣе въ романѣ интересная сказка - и потому, естественно, что знаменитый романистъ нравился ему тамъ только, гдѣ онъ или повѣствовалъ о важныхъ историческихъ личностяхъ или - какъ на примѣръ въ «Робертѣ, графѣ Парижскомъ» рассказывалъ разныя любопытныя похождения.

Вдумавшись въ послѣдствіи въ причины моего малаго сочувствія къ множеству самыхъ хваленыхъ романовъ Вальтеръ-Скотта и напротивъ очень сильнаго къ вышеупомянутымъ - я нашель, что я былъ совершенно правъ по какому-то чутью.

Искусство живетъ прочно и дѣйствуетъ глубоко на душу преимущественно однимъ свойствомъ (кромѣ разумѣется таланта художника) - искренностію мотивовъ или побужденій, отъ которой зависитъ и самая вѣра художника въ возсоздаваемый имъ міръ, а «безъ вѣры невозможно угодити Богу» - какъ сказано въ писаніи, да невозможно угодитъ вполнѣ и людямъ.

Шотландецъ до конца ногтей, сынъ горной страны, сурово хранящей преданія, членъ племени, хотя и вошедшаго въ общій составъ англійской націи и притомъ свободно, не такъ какъ Ирландское, - вошедшаго, но тѣмъ не менѣе хранящаго свою самость и нѣкоторую замкнутость - Вальтеръ-Скоттъ весь полонъ суевѣрной любви къ старому, къ преданіямъ, къ загнаннымъ или сгибшимъ расамъ, къ сверженнымъ династіямъ, къ уцѣлѣвшимъ еще кое-гдѣ, по мѣстамъ, остаткамъ стараго, замкнутаго быта.

Случайно или не случайно - дѣятельность его совпала съ реставраціонными стремленіями, проявившимися послѣ первой революціи во всей Европѣ. Но - опять таки, совсѣмъ иное дѣло эти реставраціонныя стремленія въ разныхъ странахъ Европы. Въ Германіи - какъ я уже сказалъ, подъ этими реставраціонными стремленіями билась въ сущности революціонная жила; во Франціи онѣ были необходимой на время реакціей, выродившейся въ новую революцію тридцатаго года - у насъ

наконецъ, онѣ были и остались простымъ стремленіемъ къ очищенію нашей народной самости, бытовой и исторической особенности, загнанныхъ на время терроризмомъ реформы или затертыхъ и заслоненныхъ тоже на время лакомъ западной цивилизаціи.

О насъ и нашихъ реставраціонныхъ стремленіяхъ говорить еще здѣсь не мѣсто. О Германія я говорилъ уже съ достаточною подробностію. Чтобы уяснить мою мысль о непосредственно, такъ сказать нереклективно-реставраціонномъ характерѣ литературной дѣятельности Вальтеръ-Скотта, я долженъ сказать нѣсколько словъ о французскихъ реставраціонныхъ стремленіяхъ.

Но никакъ не о тѣхъ, которыя выказались въ блестящей дѣятельности одного изъ величайшихъ писателей Франціи, Шатобріана - этого глубоко потрясеннаго событіями и страшно развороченнаго въ своемъ внутреннемъ мірѣ Рене - который съ полнѣйшею искренностью и съ увлеченіемъ самымъ пламеннымъ ухватился

за старый католическій и феодальный міръ, какъ за якорь спасенія. Онъ представляется мнѣ всегда въ видѣ какого-то св. Доминика, страстно, со всѣмъ пыломъ потрясенной души и разбитаго сердца, со всей судорожностью страсти обнимающаго подножіе креста на одной изъ чудныхъ картинъ фра Беато въ монастырѣ Санъ Марко. Не на тѣхъ такъ же стремленіяхъ возьму я французскую реставрацію, которыя начались у Гюго его одами и выродились въ Notre Dame, въ Le roi s'amuse и блистательно завершились Мизераблями; не на напыщенныхъ медитаціяхъ или гармоніяхъ Ламартина... Эпоху какъ я уже замѣтилъ нужно брать всегда въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ она на распашку.

Въ это время читающая публика «бредила» - буквально бредила нынѣ совершенно забытымъ и по дѣломъ забытымъ, совершенно дюжиннымъ романистомъ Виконтомъ д'Арленкуромъ. Его таинственный пустынный и эффектно мрачный отступникъ Агобарь, его

отмѣченная проклятіемъ чужестранка смѣнили въ воображеніи читателей и читательницъ добродѣтельныхъ Малекъ Аделей и чувствительныхъ Матильдъ. Но смѣнили они вовсе не такъ какъ хотѣлъ этого авторъ. Авторъ самъ по себѣ - ограниченнѣйшій изъ реставраторовъ и реакціонеровъ: во всѣхъ своихъ, успѣхъ имѣвшихъ романахъ (Пустынникъ, Чужестранка, Отступникъ,) онъ проводитъ одно основное чувство: любовь къ сверженнымъ и изгнаннымъ династіямъ - въ особенности въ «Отступникѣ» «въ Инсабоэ» онъ въ ротъ что называется кладетъ, что «Меровинги» ли перваго романа» прованскіе ли Бозоны втораго - для него тоже что Бурбоны - да публикѣ-то читавшей, въ особенности же нефранцузской, а напимѣрь хоть бы нашей, никакого не было дѣла до подвиговъ его воительницы дѣвы Эзильды, полной любви къ сверженной династіи, ни до Инсабоэ, возстановляющей всеусердно, хотя и тщетно Бозоновъ въ Провансѣ. Для французской публики все это были уже

старыя тряпки, для нашей вещи совершенно чуждыя. Не тѣмъ влекъ къ себѣ дюжинный романистъ, а своей французской страстностью, которая помогала ему размѣнивать на мелочь могучіе и однообразно мрачные образы сплиническаго англичанина, къ которому восторженное посланіе написалъ Ламартинъ и котораго нашъ Пушкинъ называлъ, уподобляя его морю «властителемъ нашихъ думъ», но которому читающая чернь поклонялась по наслышкѣ и издали какъ таинственно-мрачному божеству. Всѣ эти «Пустынники, Агобары, Чужестранки» - были рѣшительно размѣномъ на мелочь байронизма; размѣномъ можетъ быть болѣе доступнымъ черни, чѣмъ самый байронизмъ. Съ другой стороны, извѣстная лихорадочная страстность француза, проникающая по мѣстамъ штуки Виконта д'Арленкура - была уже нѣкоторымъ образомъ предвѣстницей той великой полосы литературы, которая называется юной французской словестностью. Реставраціонныя же стремленія

благороднаго Виконта потрачены имъ совершенно задаромъ - и не съумѣй онъ, какъ настоящій, заправскій французъ послужить вмѣстѣ и Богу и мамонѣ т. е. не пиши онъ такъ что и реакціи то было бы непротивно и на новыя, страстныя стремленія похоже, онъ бы не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха.

Совсѣмъ другое дѣло - наивно, непосредственно, искренне реставраціонный характеръ Вальтеръ-Скотта - не говоря уже конечно объ огромномъ различіи таланта. Весь полный міра преданій, собиравшій самъ съ глубокою любовью пѣсни и преданія родины, чуждый всякихъ политическихъ задачъ и преднамѣренныхъ тенденцій, честный даже до крайней ограниченности, объясняющей его нелѣпую, но искреннюю исторію французской революціи и Наполеона - Вальтеръ-Скоттъ былъ вполнѣ представителемъ шотландскаго духа - но не съ той грозной и величавой стороны его, которая породила суровый пуританизмъ и Оливера Кромвеля, а со стороны такъ сказать общежитейской.

Такого другого ограниченнаго мѣщанина какъ «шотландскій бардъ» - надо поискать да поискать - развѣ только нашъ Загоскинъ будетъ ему подъ пару: его добродѣтельныя лица глупге Юрія Милославскаго и Рославлева, приторнѣе братцовъ Чарльсовъ Диккенса. Но дѣло въ томъ что онъ все-таки поэтъ - и большой, хотя далеко негеніальный, какъ Байронъ или Гюго поэтъ - что помимо его воли и желанія вырисовываются передъ нами въ его произведеніяхъ именно тѣ самые образы, къ которымъ не питаетъ онъ нравственной симпатіи - и что съ другой стороны, есть правда и есть поэтическая прелесть въ его сочувствіи къ загнаннымъ или погибшимъ расамъ, сверженнымъ, но когда-то популярнымъ династіямъ, къ суевѣріямъ и преданіямъ - есть художественная полнота и красота въ его изображеніяхъ замкнутыхъ мірковъ или отошедшихъ въ область прошедшаго типовъ.

Что это за міръ на примѣръ совсѣмъ отдѣльный, разобщонный съ остальнымъ міромъ - этотъ міръ шетлендскихъ

острововъ съ его патриархомъ Магнусомъ Труалемъ (я всѣ имена пишу по переводу Воскресенскаго) съ его дочерьми: поэтически-мрачной, суевѣрной, нервной и страстной Минной и съ бѣлокурой, простодушной Бланкой, - съ таинственной - не то помѣшанной, не то ясновидящей заклинательницей стихій Норной, съ загадочнымъ старикомъ проходимцемъ Мертуномъ, съ молодцомъ разбойникомъ Клевеландомъ и его остроумнымъ и непотребно ругающимся товарищемъ, съ чудакомъ стихотворцемъ Клавдіемъ Галькро - и съ жаднымъ, лукавымъ разнощикомъ, не церемонно пользующимся береговыми правами. Все это живетъ - все это ходитъ и говоритъ передъ нами: мы точно побывали сами на пиру у стараго Магнуса и видѣли во-очію старый танецъ мечей, - мы ѣхали съ Магнусомъ и его дочерьми въ темную ночь гадать къ помѣшанной колдуньѣ; мы стояли съ ней, съ этой колдуньей, на скалѣ и заклинали морской вѣтеръ; мы даже рылись въ заплечномъ чемоданѣ разнощика и съ

любопытством разсматривали разные диковинные вещи, приобретенные ими нецеремонно, как *res primæ occupantis* в силу берегового права; мы наконец вбрили входя в пещеру Норны - что ея карлик - действительно какой то гномъ, а не существо изъ земного міра. И что за дѣло было намъ, слѣдившимъ съ лихорадочнымъ интересомъ за страстію Минны къ удалому разбойнику и за таинственной симпатіею къ нему колдуньи - до пошлости юноши Мертуна и до сантиментальныхъ отношеній его къ Бланкѣ.

А достолюбезный капитанъ Долджетти въ Легендѣ о Монтрозѣ; милый капитанъ, съ величайшей наивностью и посвоему совершенно честно готовый служить и конвенту и роялистамъ, смотря по тому кто больше дастъ - Долджетти, взятый въ плѣнъ республиканцами и готовый идти на висѣлицу, потомучто еще осталось нѣсколько дней срока до конца его службы Монтрозу и роялистамъ... многоученый капитанъ Долджетти съ его большею частію непристойными латинскими цитатами,

которыми угощает онъ за столомъ чинную и мрачно-скорбящую пуританку, Леди Арджиль?.. А вражда клановъ - а община «дѣтей ночи» съ ихъ грознымъ, суевѣрнымъ и вмѣстѣ безвѣрнымъ, мрачнымъ и ясновидящимъ предводителемъ - и наконецъ самъ ясновидящимъ предводителемъ - и наконецъ самъ ясновидящій какъ Сауль, терзаемый фуріями и утѣшаемый только звуками арфы прелестной Анны Лейль, - Олинъ Макголей?.. Что намъ за дѣло что Анна Лейль любить не его, а пошлеца Ментейта?.. Міръ, живой міръ и вмѣстѣ какой-то фантастическій передъ нами: личности, ярко очерченныя, носятя въ нашемъ воображеніи - и поэтъ тутъ видимо въ своемъ элементѣ...

Таковы были книжныя впечатлѣнія, литературныя вѣянія, окружавшія мое дѣтство..

Аполлонъ Григорьевъ.
